

Крайне редко что-то о порядках в американских и вообще англо-саксонских масонских ложах просачивается в СМИ или на экраны. Но одному из уже умерших масонов посвятили художественный фильм, поскольку умерший был весьма значимой политической фигурой в истории США. В фильме реконструирована и сцена принятия новичка в тайное общество.

Итак. На первом этаже располагался бассейн, заполненный грязью, коричневой жижей. В эту жижу, сутуло шлёпая босыми пятками по паркету и прикрывая ладошками причинные места, семенили голые неопиты – и начинали по команде яростно мутузить друг друга. А этажом выше располагались длинные, обрамлённые ограждениями, коридоры-балконы. Там, наблюдая за суматошной битвой новичков-претендентов, недвижно стояли люди в чёрных балахонах и масках. Господа наверху, наконец, расстегнули ширинки и стали прицельно мочиться на борющихся в грязи. И главный персонаж фильма, подняв на мгновение голову, увидел господина, который, сняв маску и не прячась, старательно мочился ему в лицо, – своего будущего покровителя и начальника. Так проходило посвящение во влиятельную масонскую ложу Америки.

А представьте ситуацию: подросток во дворе, увидев бездомного котёнка, не погладил, не приласкал доверчивое незащитное существо, а взял... да и помочился на него? Заметив такое непотребство, такое скотство, взрослые наверняка бы не просто гневно отчитали негодяйчика, но, пожалуй, привели бы его за ухо к родителям, побеседовали и с родителями, а может, и в школу сообщили бы, может, и врачам, – явно ведь с головой у подростка не то.

Но тут – солидные взрослые дяди на балконе, и мочились не на животное, не на крысу, наконец, а на выбранного из грязной толкучки как свою мишень Хомо сапиенса – пусть и молодого, но всё же взрослого мужчину (или с этого мгновения не совсем мужчину?), готового пройти сквозь запредельное унижение ради карьеры и власти. И ведь трудно унижить ещё сильнее! Потом они будут здороваться с ним за руку, будут снисходительно похлопывать по плечу, однако и он, обо**анный ими, и они сами запомнят до конца дней, что случилось меж ними в начале «великих американских дел».

Большинство из нас не испытывает почтение к неофициальным законам и понятиям эзков (за исключением разве что обоснованного неприятия ими педофилов и насильников: ведь у многих заключённых остались дома матери, сёстры, а то и дети). Но даже преступники, эски вряд ли позволили сидеть рядом с собой таким «посвящённым», людям, согласившимся ради успеха, ради лазейки наверх, – да и вообще, – на подобное унижение.

Зато для психиатров отношения в высокой американской масонской ложе были бы весьма любопытны: как извращения – садизм и мазохизм, – могут быть столь надёжно замешаны и спаяны на жажде власти, привлекательной именно тем, что зачастую власть эта – тайная, невидимая, как власть кукловода за ширмой над яркими и шумными марионетками, власть негласная, неслышная, словно движение змеи перед её парализующим или смертельным, изничтожающим броском, – особенная власть.

Можно понять, если бы старшие подвергали новичков труднейшим интеллектуальным, духовным или даже физическим испытаниям. Но как вы охарактеризуете, как назовёте вроде бы вполне цивилизованных людей, которые мочатся на головы своих будущих соратников, – тех, с кем потом будут обсуждать общие планы? Кто они, эти стоявшие на балконе с расстёгнутыми ширинками, чтобы унижить себе подобных? Скрытые психопаты, отвергающие нравственные табу, абсолютное моральное отребье, моральные уроды? Похоже на то. Но и новички, чьё чувство собственного достоинства попрали, изнасиловали с их же согласия, разве лучше? Нет, они не огрызнутся, не оскалят зубы на хозяев, но без жалости, без сомнений, с деловитой беспощадностью постараются отыграться за своё добровольное унижение на других, на остальном мире, на чужих народах.

Так вот, главный герой того фильма (с названием «Гувер»), начавший свою головокружительную карьеру в бассейне с грязью под душем начальственной мочи, оказался не кто иной, как один из самых влиятельных государственных деятелей США – Гувер Джон Эдгар (1895-1972). Почти полвека он как директор возглавлял ФБР, едва ли не наиболее могущественное ведомство Штатов, борясь в основном с «красной угрозой», с «внутренними врагами» – и не признавая наличия в Америке мафии (услугами и помощью которой вовсю пользовался). А заодно держа в загашнике компромат на всех, кто мог спихнуть его с всеильной должности. К вопросу, как делаются в Штатах большие карьеры и каков морально-аморальный климат в спаянных коллективах тамошней власти... Разве не заразительный пример для честолюбивых американских политиков? А ведь такие господа представляли и представляют большую политику Нового Света. И чего же ждать миру от тех, кто перешагнул в себе человеческое?

Скорее всего, загадочное пресловутое глубинное государство Америки – это как раз симбиоз масонских лож, с их давней историей тайной власти и влияния, ВПК и финансовых структур. И тон в этом глубинном (или проточном, или сточном) государстве задают извращенцы-иммориалисты, в сравнении с которыми Макиавелли был бы святым с открытки.

А в Британии (где появились едва ли не первое «братство вольных каменщиков»), у британского политического истеблишмента – иначе? Отнюдь, даже если в политику приходят не новички, пропущенные через масонское сито, а отпрыски политической, а заодно нередко и аристократической элиты. На них тоже найдутся и ошейник, и цепь, и острые, как провололочные крючки, узелки на память. Ведь породистому молодяку, с деньгами, с властью родителей и сознанием своей безнаказанности, всё уже скучно, всё опробовано. Даже наркотики – обыденное, приелось. Им подавай то, что остальным, обычным, нормальным даже в голову не пришло бы, немислимо. Потому и влечёт их, как мух на известное, на сатанинские шабашки-игрища. И не поглядеть, а участвовать, и не статистами, а в главных ролях. Тем паче, что сатанинские мистерии сродни тайным масонским ритуалам. И полезут всей своей кучкой избранных в дикую оргию, в непотребное, хоть в навоз, хоть в хлев к свиньям, – и ведь не отлынишь, круговая порука! И кажется им сдуру, спьяну, что будет всё шито-крыто на веки вечные – ан нет, и пьяное видео найдётся, сохранится, и в памяти пропечатается лучше негатива, – а если надо, и под присягой на суде, и на полиграфе подтвердят: «Было, господа присяжные, как раз с ним-то и было!»

Именно так и напоролся на бедовое своё богоемно-разнузданное прошлое премьер-министр Британии Дэвид Кэмерон, – когда бывший приятель по запретным, извращённым шалостям описал эпизод непотребных манипуляций Дэвида с мёртвой свиньёй. Однако потрясённый этой мерзкой писаниной Кэмерон, мужик вполне степенный (не то что отвязный Б. Джонсон) и на вид нормальный, а не с галдящих, барабанных ЛГБТ-парадов, – вдруг стушевался, притих, затаился, потерял дар речи – и писаку не засудил, не упёк в тюрьгу за клевету! Почему, репутация-то как же? А, возможно, было там и нечто посерьёзнее, и ему, Кэмерону, лишь мягко, завуалировано намекнули: дёрнешься с судами, – получишь публичную огласку всех походов по полной, и семья от тебя сбежит, и дети из-за стыда за тебя фамилию поменяют, – бойся! Очень может быть, вся компашка, все приятели Кэмерона на том же скотном дворе отметились, побесновались не меньше его, и автору пресловутой статейки не позволили бы даже приподнять край дерюжки того слева, даже вякнуть на эту тему и выносить сор из крепости. Но, видать, Кэмерон проштрафился, не оправдал чьих-то властных надежд, да ещё из-за своих политических амбиций перешёл дорогу кому-то более важному, вопреки «консилиуму» тайной англосаксонской власти – и вот тебе чёрная метка, Дэвид, знай своё место на крючке и будешь теперь болтать, что велят. Что он послушно и делает, выступая с провокационными заявлениями по Украине. Правила глубинного государства!

И не за тем ли, чтоб не очень выделяться своими извращениями на фоне нормальных граждан, – то есть избирателей, – эти власть предержащие господа так активно продвигают ЛГБТ-повестку и трансгендерные выкрутасы, лояльно относясь даже к Церкви Сатаны?

Пусть не введут в заблуждение их дорогие костюмы с бабочками, их ухоженные причёски, их горделиво-величавые позы перед микрофоном. Среди них обязательно есть кто-то могущественный, вроде Гувера, на которого однажды его старшие коллеги гадили сверху, – и он помнит это, и помнят, знают и остальные, и если эти остальные пока не испытали подобного, – то лишь по одной единственной причине: они всегда были и будут беспрекословны, готовы исполнить любую подлость, только б не лишиться своего положения во власти. И недооценивать их тоже не стоит. Воспитанные ли униженной покорностью в масонских ложах, – при восхождении от низших градусов к высшим ступеням, или приученные к жёсткой дисциплине в частных школах, вроде Итона, для элитных отпрысков, – они умеют отчаянно биться в стае и за стаю. Они натасканы в игре на публику, умеют петлять словами и мастера изрекать невнятные, напичканные словесной требухой, уклончиво-склизкие речи, – вывернутся! Но обязательно и всегда они будут вещать о демократии и о готовности костьми лечь ради неё. А если люди, не переставая, беспокоятся за демократию, то они и есть истинные демократы, так ведь?

Не так: мошенники-лицедеи, да ещё и с извращённой, поломанной психикой. Помним, как резвилась госсекретарь Хилари Клинтон, узнав об убийстве Каддафи: «Мы пришли, увидели, – он мёртв!» Такая хохотушка... А госсекретарь Мадлен Олбрайт убийство полумиллиона иракских детей посчитала вынужденной, приемлемой ценой – ради демократии, естественно. Такое это гипнотическое слово в американском исполнении: «Демократия!». Ну и «Свобода», само собой, – тоже святое понятие! Ради высших этих понятий и убивать можно. Без счёта. Тем более сотни тысяч каких-то детей в каком-то там Ираке. Правда, тогда, по логике Мадлен Олбрайт, и муженёк Хиллари, Билл Клинтон должен был бы не дудеть в сияющий саксофон, а быть поджаренным на электрическом стуле – за нарушение принципов демократии, за растление детей, девочек-подростков, вместе со своим дружкой на острове забав, за покушение на детскую сексуальную неприкосновенность, – но свободу он признал только для себя, – и ничего, не казнён! По той же логике г-жи Олбрайт надо уничтожить, разбомбить современные аме-

риканские города, в которых полицейские скрутили, избили и демократии, и свободу слова, – вместе со студентами, протестующими против геноцида палестинцев. А уж негосударственные организации – американские масонские ложи, где так глумятся над личностью новичков (а есть ведь и такие «братства», где ритуалы ещё извращеннее, чем упомянутый, и совершенно жестоки), – надо, несомненно, ликвидировать, физически, за нарушение не только демократии, но и всех норм человеческой морали. Раз уж, – во имя всё той же демократии! – позволено было лишить жизни сотен тысяч безвестных иракских детей, чья вина перед демократией никаким трибуналом доказана быть не может. За что же их убивали? За то, что знали слова и фразы «мама», «папа», «бегать», «играть с друзьями», «не хочу я этой каши!», а великого слова «демократия» даже не вспоминали? Ну а как ещё защитить демократию от таких глупых, невежественных детей, кроме как не убив их, вот как? Интересно, считалась ли Мадлен Олбрайт вменяемой? Почему рядом с нею не дежурили психиатры со шприцами и лекарствами, почему она появлялась перед вполне адекватной публикой без смиренной рубашки? А ведь сказанное ею – абсолютный фашизм, только в новой, в американской упаковке.

Как не вспомнить и другого завязатого демократа, сиятельного и безупречного генерала Колина Пауэлла, который после фокуса с пробиркой устало улыбался журналистам: сделано, гора с плеч! Всем демократам демократ! (Потом американцы запустили версию-слухов: дескать, это «подчинённые» всучили, подсунули ему пустышку. А он не понимал, какой бойней для чужой страны обернётся его заявление? Отлично понимал. Но потребовать доказательств не осмелился, – похоже, очень трепетал перед «подчинёнными». Вот они и использовали темнокожего генерала как покорную перчаточную куклу. Из страха или по другой причине поступил так Пауэлл, – не имеет значения: он негодяй из негодяев и в историю вошёл мерзавцем редкостным, редчайшим, несравненным.) Живи Данте Алигьери в нашу эпоху, – столкнул бы он Колина Пауэлла заодно с подельниками не просто в адскую бездну, а в самый глубокий, – воистину в глубинный! – девятый круг Ада, в ноги Люциферу, и были б там генералу все свои. А если вам любопытно, что же в лапе у восседающего на троне Князя Тьмы, – не сомневайтесь: его когтистая лапа держит американскую пробирку, – махонькую, почти игрушечную, но способную после небрежной зловещей клеветы-заклинания взорвать в клочья целую далёкую страну, – пробирку-эстафету для американских политиков.

Аморальная власть Америки диктует настрой и сателлитам. Хотя те и сами чувствуют настроение хозяина, давно прониклись, и без диктовки. Как заявил брехливый, но чуткий обитатель сторожевой будки в глуши райского сада, Ж. Борель: если прекратить поставку оружия незалежной, её военное сопротивление прекратится всего через две недели. И значит, делает он вывод, надо финансировать продолжение накачки оружием... хотя бы пять лет! И правда, удобнее же тестировать оружие и отрабатывать тактику будущих войн не на бумажных мишенях, не на пластиковых манекенах и макетах, а на человеках, живых и погибающих. А если через пять лет взрослое мужское население Украины сократится до нуля, – так не беда: истинные хозяева незалежной, «инвесторы» вроде «Black Rock», всё равно накрутят свою прибыль выше прежнего.

Притянут на плантации, скажем, граждан из стран УБалтики: всё равно ж расползаются, убывают убалты из убалтийских своих лимитрофов – кто в Польшу, яблоки-клубнику собирать-фасовать, кто дальше на запад. Так какая им, убалтам, разница, где и на кого батрачить?

Ещё проще почти дармовую рабочую силу для иностранно-украинских угодий набрать среди избыточных мигрантов Западной Европы. Они же, скучающие мигранты, заодно и местный демографический кризис с удовольствием разрешат, только дай. No problem!

Нежданно-негаданно, и Израиль – возможно, не без подсказки, – проникся симпатией к бандеровской власти на Украине, вместе с её зиц-председателем, президентом-капо. Глядишь, скоро позовёт бандеровцев в гости – маршировать, зигуя под флагами с «волчьим крюком», по своим улицам. Тем более, что сами новые бандеровцы, грозившие скорой расправой над Россией в бою и хоть сейчас пойти «воевати», нарисовали себя пунктирчиком другой маршрут: контрнаступ, контрзаступ, контротступ – и, наконец, контрамарка, желанная и долгожданная. Неважно, на что и куда. Лишь бы подальше от фронта. А вдали – хоть опять маршировать и драть глотки. Вот только на шевронах новых бандеровцев давно должен быть не трезуб, – и даже не вилка к благотворительным обедам. А настойчиво протянутая ковшиком ручонка, – под коротким, как боевой клич, девизом-призывом: «ДАЙ!»

8.05.2024 г.